

В заговоре с собой

Евгений Евтушенко думает о России и читает лекции в Америке

Мы встретились с Евгением Александровичем в Москве. А буквально через несколько дней он улетел в Америку — там он преподает студентам курс российской словесности. Разговор начался с новинок, двух книг — поэтического фотоальбома «Дай Бог» и поэмы «13». Изданные смехотворными тиражами — в 750 и 1000 экземпляров соответственно, оба издания, смею предположить, в момент переизданы в разряд раритетных.

— Поэтический фотоальбом «Дай Бог», можно сказать, родился спонтанно. Есть у меня прекрасный фотограф, друг — Сережа Свинцов. 10 лет назад он снимал нашу свадьбу с Машей — моей четвертой и, я надеюсь, последней женой. А, может, это у него легкая рука: несмотря на мой ужасный характер, кажется, мы счастливы.

Он сделал тогда уникальные фотографии. Показал меня не как оратора, а просто грустного, усталого человека. И ее — девочку из Петрозаводска, выходящую замуж за какого-то странного поэта, который был еще любимым поэтом ее мамы. Случайна была наша встреча. Мама, заболев, послала ее в Петрозаводске подписать книжку. И вдруг этот поэт спрашивает: «Как ваше имя?», на что она ответила: «Это не мне, а моей маме». Поэт обиделся и сказал: «Я хочу знать, как ваше имя».

И это все было подсмотрено, снято. Вот, к примеру, фотография наутро после нашей свадьбы. Это же надо так подсмотреть и так увидеть — фотография глубоко личная, интимная, но и не влезающая бесцеремонно, как это сейчас модно, в нашу личную жизнь. Мы в размышлении — что же с нами будет?

Снимки так непохожи на то, что снимается сейчас, на дешевые, клубничные фотографии... Я могу об этом судить, поскольку сам фотограф, у меня вышли фотокнижки, правда, не у нас, я участвовал в 18 фотовыставках. Пригласили меня недавно на один прием. Но, увидев всеобщий выпендрож, Маша, прислонившись к моей щеке, прошептала: «Жень, давай слиняем». И вот «Московский комсомолец» напечатал мою фотографию, где я с женой, с подписью: «Фестивальный флирт Евтушенко». Что это?!

— А поэма «13» — как она родилась?

— Это поэма о страшных событиях октября 93-го года, когда у нас была мини-гражданская война, унесшая вроде бы немного человеческих жизней. Но, даже если бы погиб всего один человек, матери этого человека вы никогда бы не смогли объяснить, за что.

Собственно, об этом и моя работа. А конкретно, о диком случае, произошедшем рядом с моим домом, около так называемого Белого дома. Там прорвало теплоцентраль — как раз в дни противостояния парламента и президента. И была создана рабочая авральная команда, 13 человек. Они начали — раскопали яму, где лил практически кипяток. Но, когда пошли танки по проспекту, рабочие все разделились. Одни пошли поддерживать тех, кто находился в Белом доме, другие, наоборот, присоединились к ельцинистам, третьи залезли на крышу гостиницы «Украина», чтобы просто посмотреть на это шоу, которое редко встречается в нашей скучноватой жизни. Четвертые слиняли в какую-то близлежащую пивнушку, остальные пошли домой, чтобы через Америку, через Си-эн-эн, наблюдать, что происходит в собственной стране.

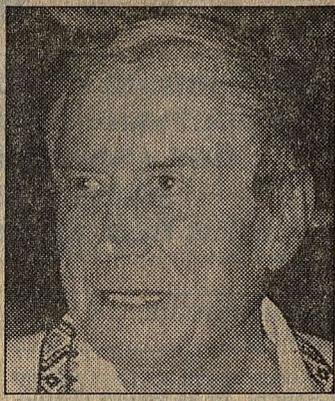
И шла по мосту мама с коляской, в которой была девочка-красотка. Конечно, она шла по мосту и не понимала, что происходит, не слышала радио, политикой не интересовалась. Но есть такая страшная фраза: если вы не интересуетесь политикой, политика интересуется вами. И она смотрела на диво дивное — на танки, которые двигались мимо нее, и не смотрела вперед. А эти наши замечательные работяги — не оставили никаких предупредительных знаков — ни барьера, ничего. Они забыли о своих обыкновенных профессиональных нормах, оставили открытой яму.

И эта женщина, глядя на танки, уронила свое единственное дитя в яму, залитую кипятком. Я увидел в этом факте глубочайший символизм, потому что в настоящем профессионализме заключено этическое начало. Если люди нарушают свою профессиональную этику, преступают нравственность — вообще все начинает ползти. Невыполнение профессионального долга переходит в невыполнение долга человеческого.

У нас и сейчас продолжается словесная война. Но у словесной войны есть опасность, что она может перерасти в просто войну, что мы видели тогда в октябре. Тогда сварили девочку — не нарочно. А сколько у нас сейчас разного рода открытых ям, в которую каждый из нас может попасть вместе с нашими детьми. Вот почему я написал эту поэму.

— Многие писатели сетуют нынче на групповщину, постоянное выяснение отношений...

— В том-то и дело. Мне же это не по душе. Я когда-то написал такие стихи, прочитаю лишь две строчки: «Хочу я быть с народом в групповщине, хочу с природой в заговоре быть» — вот моя единственная групповщина, какую я себе позволяю.

Так вот, когда я преподаю в Америке, меня все эти писательские распри не касаются. Когда шакалы и гиены кусаются друг с другом, то слоны и носороги должны отходить в сторону и делать свое дело. Но иногда, к сожалению, некоторые мои коллеги, которых, видимо, зависть погрызывает, позволяют некорректные высказывания.

Один мой очень хороший знакомый поэт на вопрос: «Каков вклад Евтушенко в русскую поэзию?» — почему-то ухмыльнулся и сказал: «Ну, он же теперь живет в Америке...».

И в этом есть какая-то неистребимая совковость. У меня пять сыновей, а в Америке — пять крестных дочек. И там у меня огромное количество друзей. И не только в Америке. Пабло Неруда был одним из самых больших друзей. А когда моей женой была англичанка, то я не понимал мещанских, совковых записок: «Почему вы женились на англичанке, неужели не нашлось достойных русских женщин?». Я женился не на нации, а на замечательной, чудесной женщине, с которой до сих пор мы остаемся нежными друзьями.

На злобу и противопоставление уходит очень много энергии у людей, которая должна уходить на творчество. Я в последнем стихотворении «На похороны Окуджавы» написал, что в «девяностых годов не верю, верю в девяностиков». На похоронах я специально прошелся по рядам, там было очень мало молодых людей, но там были дети, которых привели шестидесятники. Конечно, их бабушки воспитывали этими песнями. Но нельзя проскакивать через поколение...

— Евгений Александрович, вы летите в Америку преподавать?

— Да, и счастлив, что общаться с американцами XXI века — это совсем другие американцы. Если они будут приезжать в Россию, то не для наживы, как делают это некоторые их соотечественники. Потому что американец, который знает наизусть Ахматову, Гумилеву, Блока, Волошину, Пастернака, Твардовского, Симонова, Есенина, — это уже совсем другой американец.

Практически все лето этого года я провел в России. Совершил поездку по шестнадцати городам, был в самой глубинке — даже там, где нога поэта не ступала. И везде читал стихи. В следующий приезд, в декабре, меня уже ждут в Перми, Сыктывкаре, во многих других городах и, конечно, в Сибири — на станции Зима.

— А какие у вас еще новости?

— Завершил свою работу над телевизионным циклом «Поэт в России больше, чем поэт». Записал еще 42 передачи. Получаю сейчас много писем с просьбой начать другую телесерию, когда закончится эта. Видимо, это нужно, особенно нашему молодому поколению. Чтобы совсем по-новому рассказать о замечательной нашей поэзии. И о Пушкине, и о Лермонтове, и обо всем великом XIX века. Это следующие мои планы. Уже два года работаю над своим восьмитомником, надеюсь также скоро его завершить.

— У вас пятеро сыновей. А кем вы мечтаете их видеть?

— Мне неважно, кем они будут, главное, чтобы любили то, чем будут заниматься. Потому что, когда родители начинают диктовать свои вкусы, подыскивать им, на их взгляд, выгодные профессии, — это то же самое, что навязывать детям так называемые выгодные браки. Они все несчастливые.

Старший мой сын Петя — уже взрослый, художник. Другой, Саша, учится в колледже в Англии, очевидно, будет поступать в Институт кинематографии. Он говорит, читает по-русски, но пишет сценарии по-английски, мечтает стать кинорежиссером. Третий мой сын, Тоша, как и второй, живет в Англии — учится в школе. И двое маленьких — Женя, ему сейчас восемь лет, пока что он увлечен футболом, а учится в американской школе. И младший — Митя, ему пока семь, тоже учится в американской школе.

— Интересно, а чем занимается ваша жена Маша?

— Она по образованию врач, но поскольку у меня кочевая жизнь и в связи с этим трудно найти работу, то она сейчас заочно заканчивает филфак Петрозаводского университета, она оказалась очень способным редактором. И, кстати, преподает в американской школе. И что бы вы думали, что она открыла на одном из уроков?

Что несколько ее учеников четвертого класса не знают, что Земля... круглая.

Лариса КУДРЯВЦЕВА.

116